

Коллектив авторов

Древняя Русь. Город, замок, село

Археология СССР. Том 15

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
К60

К60 **Коллектив авторов**
Древняя Русь. Город, замок, село: Археология СССР. Том 15 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 438 с.

ISBN 978-5-458-34176-9

Книга является первым полутомом двухтомного издания, посвященного археологии Древней Руси IX-XIV вв. На массовом материале вещевых русских древностей, изученного методами многоаспектного анализа, реконструируются этапы поступательного развития основных отраслей древнерусского производства: земледелия, ремесла, добывающих промыслов, торговли. Широко рассматриваются типы древнерусских поселений - города, малые военно-административные центры, укрепленные феодальные замки, сельские поселения. Особый интерес представляет исследование городских дворов - усадеб, первичных социально-экономических ячеек древнерусских городских общин. В книге подведены итоги более чем столетнего изучения русских древностей, учтены и описаны около полутора тысяч древнерусских поселений, изучены десятки тысяч предметов жизни и труда древнерусских людей.

ISBN 978-5-458-34176-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава первая

Археологическое изучение Древней Руси

Первые русские летописцы были и первыми историками Древней Руси. Они не только фиксировали и по-своему оценивали современные им события, но и стремились ответить на исторически важные вопросы: «Откуда есть пошла Русская земля?» и «Откуда Русская земля стала есть?» Именно им принадлежат первые концепции происхождения и развития Древнерусского государства, ставшие впоследствии предметом острых дискуссий.

С тех пор среди общих проблем истории Древнерусского государства вопросы его становления всегда занимали одно из центральных мест. В дореволюционной дворянско-буржуазной историографии им посвящена обширная литература. Опираясь прежде всего на сведения письменных источников, а точнее — на различные их толкования, исследователи в основном спорили о местном, славянском или иноземном норманнском вариантах происхождения русского государства. Так, начиная с XVIII в. в отечественной исторической науке на многие десятилетия определялись два течения: норманистское и антинорманистское.

Представители и того, и другого равно не понимали существа классовой природы государства, а рассматривали его как определенный юридический институт. С этих позиций они пытались обосновать или опровергнуть тезис о создании Древнерусского государства норманнами. Проблема в сущности сводилась к признанию или непризнанию возможностей восточных славян самостоятельно образовать свое национальное государство. На рубеже XIX—XX вв. норманистская теория заняла господствующую позицию в русской официальной науке.

Естественно, понятия феодализма как особой общественно-экономической формации, закономерно сменяющей первобытнообщинный или рабовладельческий строй, не было. Исследователи писали о феодализме применительно ко времени феодальной раздробленности (удельной Руси) или разбирали отдельные, конкретные феодально-юридические институты.

Вопросы социально-экономического развития Руси изучались в меньшей степени. Для ранних этапов русской истории предпринимались попытки выявить соотношение земледелия, скотоводства и добывающих промыслов в хозяйстве восточных славян. Поскольку единственным источником здесь служили отрывочные данные письменных памятников, общая картина развития древнерусской экономики рисовалась в искаженном виде. Почти не исследовались древнерусские ремесла. Получившие широкую известность выдающиеся изделия русских кузнецов и ювелиров рассматривались сквозь призму различных иностранных влияний прежде всего как произ-

ведения прикладного искусства (Копдаков Н. П., 1896).

Международные торговые связи Древней Руси, а отчасти и развитие внутренней торговли, пользовались большим вниманием исследователей. Помимо сведений письменных источников, привлекались данные пумизматики, вещевыеклады. Но узость источниковедческой базы, с одной стороны, и непонимание основных закономерностей развития производительных сил общества — с другой, способствовали значительному завышению реального значения торговли в древнерусской истории. Ярким примером тому служит известная концепция В. О. Ключевского о «городской Руси», вызвавшей к жизни кипучей деятельностью торговых городов, возникших на международных транзитных путях при самом активном участии «паходников-варягов».

В целом русская дореволюционная историческая наука концентрировала усилия на изучении политической истории Древней Руси, истории отдельных институтов государственной и духовной власти, некоторых характерных особенностей общественного строя. Ее фактологическую основу составляли письменные источники: летописи, актовый материал, апокрифическая литература и т. п. Они разрабатывались в первую очередь. Данные вспомогательных исторических дисциплин, а тем более археологии, этнографии, лингвистики, привлекались для целей исторического исследования значительно реже. Древнерусская материальная культура и эконо-мика оказались в числе наименее изученных проблем. Преобладание норманнской теории происхождения русского государства практически снимало вопрос о поисках его местных, восточнославянских корней.

Целенаправленное изучение археологических памятников Древней Руси начинается в XIX в., более интенсивно с его второй половины. Интерес к ним возрос с общим патриотическим подъемом после войны 1812 г. Но в археологических древностях видели не столько полноценный исторический источник, сколько раритеты далекого прошлого, немых свидетелей славянской старины. Одним из первых стал собирать сведения о древних городищах и курганах З. Доленго-Ходаковский (Адам Чарноцкий). В своих путешествиях по России З. Д. Ходаковский повсеместно записывал предания и песни, опрашивал крестьян об имеющихся поблизости памятниках, делал зарисовки и планы. Однако городища он считал остатками поселений, а языческими святилищами славянских общин, чем положил начало длительному спору о назначении городищ (1819, 1838). Болель и смерть оборвали деятельность неутомимого путешественника. Большинство его материалов остались неопубликованными. Некоторые из них были использованы другими исследователями. М. П. По-

годин привлек давшие З. Ходаковского в своих «Разысканиях» о городах и пределах русских княжеств с 1054 по 1240 г. (1848). Так археологические наблюдения, пока еще в качестве иллюстраций, стали попадать на страницы исторических сочинений.

Поскольку раскопки городищ не проводились, вопрос об их характере оставался открытым. Вслед за З. Доленго-Ходаковским видели в большинстве городищ языческие капища М. П. Погодин (1846), И. И. Срезневский (1946, 1850), с некоторыми оговорками Д. А. Корсаков (1872).

Постепенно накапливались сведения о вновь открытых памятниках. Были предприняты попытки составить первые археологические карты некоторых районов. Получила права гражданства и другая точка зрения на природу городищ. К. Калайдович (1823), В. Пассек (1839), И. Фундуклей (1848), А. С. Уваров (1872) писали о них как об остатках древних поселений.

Во второй половине XIX в. особенно после создания земских учреждений, активизировался интерес к памятникам старины на местах. Отдельные любители древностей и целые ученые архивные комиссии и статистические комитеты занялись описанием достопримечательностей своих уездов, губерний, епархий. Был собран громадный фактический материал. Но без раскопок, без целенаправленного археологического обследования вся эта масса данных о многочисленных могильниках, стоянках древнего человека, поселениях, просто овеянных преданиями и легендами местах оставалась не систематизированной и малопригодной для глубоких исследований.

Итог дискуссии в литературе о назначении городищ позволила фундаментальная для своего времени работа Д. И. Самоквасова «Древние города России» (1873). Известный историк права, знаменитый исследователь славяно-русских древностей, рассмотрев существовавшие точки зрения, привел убедительные доводы в пользу жилого и военно-оборонительного характера городищ. Многие из них Д. И. Самоквасов лично обследовал. Уже самим заглавием книги он решительно ввел городища в круг важных памятников отечественной истории, в первую очередь истории городской жизни на Руси. Исходя из особенностей планировки оборонительных сооружений городищ, ученый попытался разделить их на две хронологические группы: до появления огнестрельного оружия и времени широкого применения артиллерии. В дальнейшем Д. И. Самоквасов не раз возвращался к данной теме и постоянно использовал для исторических наблюдений данные о городищах в своих работах.

Вместе с тем всестороннее археологическое изучение древнерусских поселений вообще и городищ в частности мало интересовало исследователей. Их раскопки почти не проводились. В силу исторической значимости древней столицы Руси и благодаря случайно обнаруженнымкладам некоторые работы были осуществлены в XIX в. в Киеве. Находки при разных обстоятельствах кладов из драгоценных предметов боярско-княжеского убора иногда привлекали внимание к тому или иному памятнику. Так случилось с городищем «Княжа гора» близ Кацева, где крестьяне постоянно выкапывали замечательные вещи. Затем поселение исследовали

Д. И. Самоквасов и Н. Ф. Беляшевский. Параллельно с массовыми раскопками курганов на Владимирщине П. С. Савельев и А. С. Уваров копали городище на Александровой горе и Сарское городище под Ростовом. Несколько поселений были исследованы местными помещиками и археологами-любителями.

После находки в 1822 г. на старорязанском городище замешитого клада золотых вещей («рязанских барм») памятник исследовал Д. Тихомиров (1836 г.). Ему удалось открыть руины Борисоглебского собора. В 80-х годах XIX в. эти работы были продолжены А. В. Селивановым, раскопавшим остатки еще одного (Спасского) собора (1888а и б).

Руины древних храмов, обнаруживавшиеся при строительных работах, постоянно привлекали внимание общественности, историков, археологов и архитекторов. Остатки Десятинной церкви в Киеве исследовали в первой половине XIX в. К. Лохвицкий и П. Е. Ефимов. Другие киевские соборы (Федоровский, Дмитриевский, Софийский, Ириницкий, на Вознесенском спуске) изучались раскопками А. И. Становского, А. С. Аненкова, И. В. Моргиленского, П. А. Лошкарева. Исследование памятников древнерусского зодчества в Чернигове и Витебске провел А. М. Павлинов. В Зарубинцах работал Н. Ф. Беляшевский, а в Остерском городище — М. К. Константинович. Остатки камешных построек на территории древнего Галича исследовали Л. Лаврецкий и И. Шараневич. Церкви Смоленска изучали М. П. Полесский-Щепило и С. П. Писарев. Памятники Старой Ладоги стали предметом изысканий Н. Е. Гранденбурга и В. В. Суслова.

Методический уровень большинства археологических работ был еще неудовлетворительным. Раскопки велись траншеями, без соответствующей документации. Предпочтение отдавалось индивидуальным находкам, массовый материал почти не обрабатывался, сооружения фиксировались плохо.

Впрочем, древнерусские города и городища никогда не были главным объектом развернувшихся под эгидой Археологической комиссии исследований. Изучение поселений казалось слишком трудоемким и малоэффективным. Вторая половина XIX — начало XX в. ознаменовались грандиозными по своим масштабам раскопками славянских курганов. В сравнительно короткий промежуток времени были раскопаны тысячи и тысячи могильных насыпей. Впервые удалось собрать значительный и разнообразный материал, характеризующий быт и погребальные обряды восточных славян и их соседей.

Некоторые ученые (Д. И. Самоквасов, П. В. Голубовский) отчетливо сознавали необходимость систематических раскопок городищ. Но малая вероятность получения впечатляющих результатов (прежде всего обширных коллекций целых древних вещей) и большие затраты средств и труда при отсутствии эффективной методики исследования поселений тормозили эти работы. Собирая сведения о городищах и поселениях, вовлекая их в круг памятников отечественной истории, большинство исследователей отдавало предпочтение письменным источникам. Для определения культурно-хронологического облика поселения казалось достаточным изучить данные письменных источников, раскопать близле-

жащие курганы и собирать находки на поверхности самого памятника. Русские археологи XIX в. на современном им уровне развития науки не рассматривали и не могли рассматривать археологические материалы как полноценный исторический источник. Археология находилась еще в стадии становления, выработка собственных целей и методов исследования. В ней видели своеобразную вспомогательную историческую дисциплину, носившую ярко выраженный описательский и описательный характер (Воронин Н. Н., 1948; Рыбаков Б. А., 1957). Отсюда приоритет раскопок могильников над изучением поселений.

Большую положительную роль в деле изучения древнерусских памятников сыграли регулярно созывавшиеся археологические съезды. В процессе подготовки к ним и во время их работы разрабатывались и осуществлялись специальные программы археологических исследований. Именно в трудах археологических съездов и предварительных комитетов по их устройству были изданы археологические карты ряда губерний, опубликованы материалы многих раскопок.

В конце XIX — начале XX в. ряд исследователей (В. Б. Антонович, А. М. Андрияшев, Л. В. Падаяка, В. Г. Лясковский и др.) продолжили начатую Д. Я. Самоквасовым работу по систематизации древнерусских городищ. По особенностям планировки они научились достаточно уверенно отделять городища домонгольской эпохи от поселений более позднего времени. В этой связи нельзя не назвать обстоятельные исследования В. А. Городцова (1904) и А. А. Спицына (1906), окончательно исключившие из числа древних поселений майданы — остатки разрытых для производства селитры больших курганов. Однако создать более детальную и хронологически узкую классификацию памятников, руководствуясь лишь их внешними признаками, конечно, не удалось.

В одном вопросе дореволюционная археология Древней Руси почти вплотную соприкоснулась с задачами ее исторического изучения. Целой плеядой известных русских историков была проведена большая работа по локализации на картах населенных пунктов, упомянутых в летописях и других письменных источниках XI—XIII вв. При этом они стремились к вполне определенной цели: реконструировать в пространстве древние государственные и межволостные границы, а также политические события. Накопление сведений о древнерусских городищах открывало новые возможности перед историко-географическими исследованиями, которые привлекли и археологов. Но они лишь в очевидных случаях соотносили существующие городища с летописными городами. Историк поступали в обратном порядке. Для них решающим было созвучие древних названий населенных пунктов, урочищ, озер и рек современным. Вместе с тем достигнутые результаты оказались весьма ощутимыми. В трудах М. П. Погодина, Н. П. Барсова, М. С. Грушевского, М. К. Любавского, С. М. Середонина многие летописные города нашли свое место на карте. Особо следует отметить работы Д. И. Иловайского, П. В. Голубовского, Л. И. Багалей, А. М. Андрияшева, М. В. Довнар-Запольского, П. А. Иванова, В. Г. Ля-

ковского и др., посвященные истории отдельных земель-княжений. Авторы этих исследований стремились шире использовать имеющиеся археологические данные.

В начале XX в. наметился некоторый перелом в отношении раскопок древнерусских поселений. Большие работы осуществил в Среднем Поднепровье известный украинский археолог В. В. Хвойко. Наряду с исследованием памятников более ранних эпох он вел раскопки в Киеве, Белгородке (Белгород), Витичеве, Старых Безрадицах (Тумаш) Шарках (Торческ). Частично результаты этих работ были опубликованы автором в 1913 г. На археологических материалах В. В. Хвойко стремился показать преемственность культуры и быта населения Приднепровья с древнейших времен до появления Киевского государства. Одновременно на левобережье Днепра вслед за В. Г. Лясковским развернул интенсивную деятельность Н. Е. Макаренко.

Поселения с культурными отложениями древнерусского времени исследовала в Подмоскowie и верхнем течении Оки Ю. Г. Гендуле. Памятники в среднем течении реки обследовал В. А. Городцов. Им были проведены обследования и составлены планы ряда городов и городищ. В Новгородe и на Рюриковом городище работали Н. К. Рерих и П. Е. Макаренко. К сожалению, материалы этих раскопок остались неопубликованными. Ряд древнерусских поселений был изучен другими исследователями.

Предреволюционные годы отмечены еще одним важным с точки зрения методики раскопок событием. Впервые целенаправленно, широкой площадью копал в так называемом «Земляном городе» Старой Лядоги в 1909 г. Н. И. Репников. И хотя отчет о его работах вышел в свет значительно позже (1948), начало археологическому исследованию поселений большими площадями было положено.

Таким образом, к 1917 г. археология Древней Руси накопила значительный фактический материал, особенно из раскопок могильников. Обобщению и систематизации этих данных отдал много сил один из крупнейших русских археологов и историков А. А. Спицын. В числе первых ученых понял важное историческое значение археологических находок. Он постоянно стремился установить прочную взаимосвязь археологии и истории, превратить археологические памятники в полноценный исторический источник.

Сопоставляя находки из различных могильников, А. А. Спицын наметил ареалы расселения восточнославянских племен (1899). Они повторили, во многом уточнив, географию размещения тех же племен, известную из введения к «Повести временных лет». Результаты исследования усилили принципиальный характер. На впечатляющем примере были раскрыты возможности археологии самостоятельно решать крупные исторические задачи.

А. А. Спицын опубликовал материалы раскопок ряда других исследователей, атрибутировал и датировал обширный круг восточноевропейских древностей I — начала II тысячелетия н. э. Продолжая поиски точек соприкосновения археологии и истории, ученый уже в 1922 г. выступил со статьей «Археология в темах начальной русской истории». На основе обзора фактов, добытых археологией,

А. А. Спицын попытался дать краткий очерк этнической истории Восточной Европы и наметить пути дальнейших исследований этого вопроса. Находки скандинавских вещей в некоторых славянских могильниках убедили А. А. Спицына в реальности пребывания на Руси варяжских дружин и оп в общем разделял норманистскую точку зрения на происхождение древнерусского государства.

Если в изучении истории Древней Руси по данным письменных источников русская дворянско-буржуазная наука добилась определенных успехов, то археологическое исследование этой проблемы только началось. По сравнению с трудами крупнейших дореволюционных историков С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича, С. Ф. Платонова, А. А. Шахматова, Н. П. Павлова-Сильванского, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Е. Преснякова, создавших несколько общих концепций происхождения и развития древнерусского государства, его общественного строя и экономики, работы большинства археологов имели прикладной, иллюстративный характер. Пожалуй, лишь А. А. Спицын смог облизить задачи археологических и традиционных-исторических исследований.

Дореволюционная археология Древней Руси в целом остановилась на стадии накопления фактического материала. Были исследованы многочисленные курганные могильники. Поселения оказались изученными значительно хуже. Более или менее удачно были локализованы десятки древних поселенных пунктов, попавших на страницы письменных источников. Отсутствовала научно обоснованная типологическая классификация городищ. Тем более не было классификации социально-исторической. Для создания той и другой исследователям не хватало объективных данных и целостного понимания закономерностей общественного развития.

Результативность археологических исследований зависела также от несовершенной, еще только выверившейся практикой методики полевых работ. Курганы копались, как правило, колодцами, а поселения — траншеями. Стратиграфия памятников описывалась кратко и графически фиксировалась редко. Разрезы почти никогда не публиковались. В лучшем случае профили отдельных раскопок сохранились в беглых зарисовках, в дневниках и отчетах некоторых исследователей. Постоянно отдавалось предпочтение эффектным находкам. Массовый, с исторической точки зрения наиболее важный, материал или совсем не обрабатывался, или характеризовался в общих чертах.

Таким образом, археологическое изучение Древней Руси до 1917 г. не превратилось и не могло превратиться в полноправную отрасль исторических знаний. Достижения отдельных исследователей на этом пути не меняли сложившегося положения дел. Предстояло не только пересмотреть и на практике разработать научную методику раскопок, но и совершенно по-новому определить задачи археологии. Вот проблемы, которые стояли перед молодой советской археологической наукой в первые десятилетия ее существования.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала начало качественно нового этапа развития исторической науки в целом. Ее

фундаментом постепенно становился исторический материализм — марксистско-ленинская философия истории. Исследователи учились рассматривать исторический процесс как последовательную и закономерную смену одной общественно-экономической формации другой.

В отношении истории Киевской Руси прежде всего предстояло решить вопросы об основах ее экономики, общественном строе и становлении государства. Поскольку в научных учреждениях еще преобладали ученые старой буржуазной школы, новый подход к исследованиям далеко не сразу завоевывал ведущее место. Даже такой известный историк-марксист, как М. Н. Покровский частично придерживался в своих взглядах на происхождение и характер Древнерусского государства домарксистских, норманистских позиций. По его мнению, ни государства, ни ярко выраженных общественных классов на Руси не было до XVI в., хотя он признавал существование феодализма в древнерусское время, выросшего из первобытнообщинного строя. Тем не менее страдающие ограниченностью и вулгаризацией построения М. Н. Покровского, изложенные в «Русской истории в самом сжатом очерке», были известным шагом вперед.

Характерно, что уже первые советские историки большое внимание уделяли исследованию древнерусской экономики. Н. А. Рожков полагал, что долгое время в хозяйстве восточных славян господствовали добывающие промыслы, а земледелие становилось важным занятием не ранее конца XI — начала XII в. (1919). Сходные идеи высказывал в своих работах И. М. Кулишер (1922, 1925). Лишь П. И. Яценко уже для X—XII вв. ведущей отраслью сельского хозяйства, особенно в лесостепных районах, считал земледелие (1927).

Окончательное утверждение марксистского понимания сложных проблем истории Руси связано с трудами Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, В. В. Мавродина и других ученых. Немаловажную роль при этом сыграла археология. В 1919 г. декретом Советского правительства была образована Российская Академия истории материальной культуры (впоследствии ГАИМК и ИИМК), возглавившая археологические исследования в стране. Предметом пристального внимания археологов становятся орудия труда, пахотимые в раскопках. Их детальное изучение открывало путь к реконструкции экономики древних обществ и опосредственно — производственных отношений. Примером может служить статья А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» (1927). Меняется отношение к раскопкам поселений. Именно исследование поселений признается важнейшим для социологических наблюдений (Киселев С. В., 1928). Стремление к широким социологическим обобщениям является самой яркой отличительной чертой начального этапа развития советской археологии от археологии предшествующего времени.

Впервые широко и целенаправленно наряду со сведениями письменных источников привлечены археологические материалы в обстоятельной монографии «Железный век Восточной Европы» Ю. В. Готье (1930). В данной работе археологические источники с точки зрения исторической значимости получили

полное признание. Естественно, на выводах автора сказались и отрывочность археологической информации, и объективные трудности ее интерпретации. Однако заслуга Ю. В. Готье, включившего археологию в круг основных исторических дисциплин, несомненна. Ю. В. Готье удалось, опираясь во многом на исследования украинского археолога В. В. Хвойко, нарисовать общую картину развития народов Восточной Европы с глубокой древности до времени образования Древнерусского государства. Анализируя данные из раскопок славянских памятников, ученый пришел к выводу об их сельскохозяйственном характере. Ю. В. Готье выступил против преувеличения роли хазар в истории Руси, стремился выявить кочевнический элемент в археологических материалах. Вместе с тем варяжский вопрос он решал в пользу норманнов (1930, с. 248).

Образованию Древнерусского государства и его классовой сущности был посвящен ряд исследований Б. Д. Грекова. В организованной в начале 1930-х годов ГАИМК дискуссии по этим проблемам Б. Д. Греков в своем докладе предложил полностью марксистскую трактовку спорных вопросов. Ученый настаивал на существовании в Древней Руси IX—XI вв. феодальных отношений и классового характера Древнерусского государства. В вышедших затем работах Б. Д. Греков развил и уточнил свою точку зрения. Возникновение государства было следствием длительного и самостоятельного развития восточных славян. Прогресс экономики способствовал распаду первобытнообщинных отношений и формированию классового общества. Таким образом, Русь появилась не в результате привнесения извне импульса государственности, а как закономерный этап сложного социально-экономического процесса, корни которого уходят в глубь местной славянской истории. После оживленного обсуждения, в том числе и в печати, концепция Б. Д. Грекова была принята большинством ученых и вошла в золотой фонд достижений советской исторической науки.

Участие археологии в разработке важнейшей проблемы древнерусской истории было двойным. Археологические материалы, характеризующие этногенез и экономику восточных славян, привлекались рядом исследователей, в первую очередь Б. Д. Грековым, для обоснования новой концепции. Важнейшим для реконструкции генезиса феодализма он считал вопрос о хозяйственном укладе восточных славян. Б. Д. Греков по достоинству оценил достижения археологов (А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова и др.), на фактах показавших, что составной отраслью хозяйства восточнославянских племен было земледелие.

Одновременно археологи активно искали возможности непосредственно по данным раскопок судить о социальной структуре древних обществ. Таковы работы А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» (1934) и В. И. Равдоникаса «О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы» (1934а). Оба автора на конкретных археологических примерах подвергли критике утверждение норманистов о существовании скандинавских колоний на Руси. В отличие от предшествующих исследований, вопрос об этнической принад-

лежности погребальных памятников решался ими на основе анализа всего обряда погребений, а не отдельных вещей. Причем В. И. Равдоникас с новых позиций молодой советской археологии критически рассмотрел узловые положения выдвинутой Т. Арне теории колонизации Руси норманнами.

Симптоматично, что практически одновременно археологи и историки начали наступление против господствовавших взглядов об иноземном происхождении Древнерусского государства. Выработанная в середине 1930-х годов советской наукой марксистская концепция возникновения в среде восточных славян классового общества и связанного с ним государства не оставила места для сколько-нибудь определяющего влияния норманнов в истории Руси.

Первые два десятилетия Советской власти для отечественной археологии в целом, и для археологического изучения Древней Руси в частности, были временем становления археологии как органической части марксистско-ленинской исторической науки, временем формирования нового подхода к сущности археологических изысканий, выработки оптимальной полевой методики.

Исследование археологами древнерусских памятников постепенно приобретало целенаправленный характер. На левобережье Днепра продолжил раскопки и обследования славяно-русских поселений Н. Е. Макаренко. Возобновил изучение Сарского городища Д. Н. Эдинг. Раскопки Старорязанского городища предпринял в 1926 г. В. А. Городцов. В окрестностях Курска обследовал памятники Л. П. Соловьев. Небольшие разведки и раскопки в Орловской области осуществили П. С. Ткачевский, К. Я. Виноградов и Н. П. Милонов. Тенгизов на Оке и Курское городище на Ловати исследовал А. В. Арциховский. По инициативе ВУАН активно обследовались археологические древности Украины. Относительно большие по масштабам работы были проведены в зоне строительства канала Москва—Волга (О. П. Бадер, Н. П. Милонов, Л. А. Евтюхова). В процессе этих раскопок не только накапливался новый фактический материал, но и решались методические задачи. Исследование поселений широкими площадями, наиболее полно позволяющее восстановить историю возникновения и развития памятника, завоевывало всеобщее признание.

С точки зрения планомерного и подобного изучения различных памятников в пределах обширного исторически сложившегося региона большое значение имела работа группы археологов во главе с А. П. Лявданским на территории Смоленщины и Белогуссии. Помимо могильников, селищ и стоянок, было зафиксировано и учтено несколько сот городищ. Часть из них, включая древнерусские, впоследствии раскапывались.

Уже в 1926 г. А. П. Лявданский опубликовал статью «Некоторые данные о городищах Смоленской губернии». Используя сведения о 347 городищах, автор разделил их по особенностям планировки на четыре типа и установил хронологию каждого из них. Затем исследователь вносил в свою классификацию уточнения, касающиеся датировок и этнической принадлежности памятников. А. П. Лявданский не только типологически, но и внешними признаками, но уже с учетом добытого материала относил те или

инные городища к определенным историческим эпохам. Он первым для данной территории доказал, что большинство городищ являлись древними поселениями, а не культовыми местами. Возникновение ранних укрепленных поселений с лепной керамикой А. Н. Лявданский справедливо датировал началом I тысячелетия до н. э. — временем, предшествующим образованию Руси.

Несмотря на отдельные недостатки, опыт сплошной систематизации большого числа памятников представляет не только историографический интерес, а классификация городищ А. Н. Лявданского и сегодня сохраняет практическое значение. Кроме того, благодаря инициативе ученого впервые были археологически обследованы некоторые из летописных городов Смоленской и Полоцкой земель. Работы, осуществленные А. Н. Лявданским, и методически и практически были самыми передовыми в это время.

Таким образом, к середине 1930-х годов завершился первый этап археологического исследования Древней Руси. Его не столько характеризуют массовые раскопки, сколько выработка методических основ как полевых, так и лабораторных изысканий. Они включали в себя раскопки курганов на снос, а поселений — широкими площадями с повышенным вниманием к стратиграфии памятников. Специальному анализу подлежал массовый материал. Орудия труда и производственные сооружения изучались особенно тщательно, что позволяло осуществить первые опыты исторического обобщения добытых археологией фактов. При этом исследователи отдали дань увлечению широкими социологическими построениями, не подкрепленными всей совокупностью источников. Археологические источники получили признание как составная часть источниковедческой базы исторической науки. Принципы историзма, марксистско-ленинского понимания закономерностей исторического процесса легли в основу археологической деятельности. Поэтому в известном Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. об историческом образовании, сыгравшем огромную роль в развитии отечественной историографии, археология рассматривалась в неразрывной связи с исторической наукой.

С середины 1930-х годов археологическое изучение древнерусских памятников поднялось на качественно новую ступень. Плановмерно обследуются значительные территории. На северо-западе работами руководил В. И. Равдоникас. Поселения юга Новгородской земли изучала С. А. Тараканова. На Верхней Волге работали П. Н. Третьяков, Н. П. Милопов. Во Владимирской земле начал многолетнее исследование Н. Н. Воронин. Берега Десны обследовал М. В. Воеводский. Памятники верхнего течения рек Оки и Угры изучали П. Н. Третьяков, М. М. Герасимов, М. В. Воеводский. Городища и курганы Рязанского края (реки Ока и Прохла) стали предметом изысканий А. Н. Мансурова и Н. П. Милонова. Большое значение для будущих работ имела экспедиция под руководством П. Н. Третьякова в Среднем Поднепровье.

В предвоенные годы было положено начало одному из главных направлений современной славяно-русской археологии: углубленному изучению истории феодального города; его экономики, быта,

культуры, путей возникновения и дальнейшего развития. Широким фронтом развернулись раскопки в Новгороде (А. В. Арциховский, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. А. Строков, В. А. Богусевич, Б. Н. Мантейфель). Масштабные работы провел в Старой Ладогe В. И. Равдоникас, соединивший вновь исследованные площади со старыми раскопами Н. И. Репникова. Н. П. Воронин изучал археолого-архитектурный комплекс в Боголюбове и начал раскопки во Владимире на Клязьме. Приступил к исследованию древнего Киева М. К. Каргер. Работы проходили в Вышгороде и на Райковецком городище. Б. А. Рыбаков копал Гочевское городище и Вишиж, а Н. П. Милопов — Тверь (Калинин), Коломну и Пронск.

Характерно, что именно археологи (В. И. Равдоникас, А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин, Б. А. Рыбаков) первыми поставили вопрос о характере древнерусских городов в социально-экономическом плане.

Не менее активно археологи участвовали в решении коренных проблем древнерусской истории. Лакуну в изучении сельских поселений постарался заполнить Н. Н. Воронин (1925, 1935). В монографии «К истории сельского поселения феодальной Руси» он рассмотрел, правда, в основном на материале письменных источников, различные типы сельских поселений: погосты, слободы, села, деревни. Автор также исследовал вопрос о классовом образовании в Древней Руси. Перу Н. Н. Воронина принадлежит и первый очерк истории Владимиро-Суздальской земли X—XIII вв., где процесс формирования классов иллюстрирован археологическими примерами. Сходные мотивы, по с упором на критику норманской теории прозвучали в статье А. В. Арциховского «Русская дружина по археологическим данным» (1939). В. И. Равдоникас, изучавший памятники средневековых карел, пришел к убеждению, что в их среде в IX—XI вв. нарастал процесс вызревания феодальных отношений (1934б).

Если прежде история древнерусских ремесел исследовалась историками (Н. А. Рояков, И. М. Кулишер, П. И. Лященко, В. Ю. Гессен), то стремительный рост археологических материалов открыл новые перспективы. За подготовку сводной работы о развитии этой важной отрасли экономики Древней Руси взялся Б. А. Рыбаков. В опубликованной уже в 1940 г. статье «Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.» исследователь выявил наличие ремесленников-холопов, обслуживавших княжеский двор.

Хотя большинство материалов, добытых археологией в конце 30-х — начале 40-х годов, было издано уже после войны, основные результаты раскопок стали достоянием научной общественности раньше. Они широко отражены в подготовленном ИИМК первом советском издании «Истории СССР».

Значительное место заняли археологические данные в фундаментальной монографии Б. Д. Грекова «Киевская Русь» (1949). Рассматривая развитие сельского хозяйства у славян, автор сравнивал сведения письменных источников с археологическими находками. В результате исследователь констатировал преимущественно земледельческий характер производственной деятельности восточных славян.

В дальнейшем, отвечая оппонентам, Б. Д. Греков настаивал на своем заключении, опираясь именно на археологические факты.

Книга Б. Д. Грекова стала важным этапом в советской историографии Древней Руси. Вместе с работами С. В. Юшкова, В. В. Мавродина, С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова и других исследователей она окончательно утвердила взгляды на Древнерусское государство как феодальное по своей сущности.

Великая Отечественная война прервала как раскопочные работы, так и издание уже подготовленных трудов. Но исследование и осмысление собранных фактов продолжалось. По мере продвижения фронта на запад возобновлялись раскопки, стали публиковаться и новые статьи, книги. В 1944 г. вышла в свет монография А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». Реально обнаруженные археологами вещи помогли автору не только атрибутировать отдельные позображения, но и высказать предположение о существовании более древних прототипов некоторых серий миниатюр.

Первые послевоенные годы в развитии историографии Древней Руси были временем подведения итогов всему предшествующему изучению многоаспектной истории Древнерусского государства. Издаются коллективные обобщающие труды: «История культуры Древней Руси» (1948, 1951) и «Очерки истории СССР» (1958). Одна за другой выходят из печати монографии Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, С. В. Юшкова, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродина, А. Н. Пасонова, Л. В. Черепнина, Б. А. Романова и других исследователей. Во многих из них широко использовались археологические материалы.

Дискуссионным стал вопрос о социальной сущности Древнерусского государства IX—X вв. Первоначально преобладало мнение о его дофеодальном характере, выдвинутое С. В. Юшковым, В. В. Мавродиным, Б. А. Романовым. В 1949—1951 гг. журнал «Вопросы истории» провел обсуждение, посвященное периодизации истории феодальной России. Тезис о дофеодальном облике Древнерусского государства в IX—X вв. не получил поддержки у основных участников дискуссии. Дофеодальным периодом истории восточных славян было признано время до середины IX в. С образованием единого государства с центром в Киеве начинается феодальная эпоха. Ее ранний этап относится к IX—началу XII (концу XI) в., а затем наступает стадия развитого феодализма. Эти принципиальные положения ныне разделяются большинством исследователей.

Методологическая дискуссия о периодизации истории феодальной России стимулировала дальнейшее изучение всех аспектов становления и развития Древнерусского государства. Особое внимание уделялось исследованию предпосылок его возникновения. Успешное решение этого вопроса связано прежде всего с достижениями археологии.

Комплексную разработку сложной проблемы осуществил Б. А. Рыбаков. Исследователь привлекал сведения отечественных и иностранных письменных источников, данные лингвистики, обширные археологические материалы, постоянно применял метод исторического картографирования. Уже в статье «Поляне и северяне», опубликованной в 1947 г.,

Б. А. Рыбаков констатировал, что в исторически известных пределах расселения восточных славян на протяжении длительного времени как географически устойчивый и единый выделяется район Среднего Приднепровья. К сходным выводам пришел и М. Н. Тихомиров в работе «Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» (1947), помещенной в том же номере журнала «Советская этнография», что и статья Б. А. Рыбакова. По мнению ученых, термином «Русь», «Русская земля» первоначально обозначалась лишь территория племени полян и только потом так стали называть все Древнерусское государство.

Выдающаяся историческая роль «Русской земли» в процессе образования единого восточнославянского государства получила разностороннее освещение в целой серии последующих работ Б. А. Рыбакова («Ремесло Древней Руси» (1948), «К вопросу об образовании древнерусской народности» (1951), «Проблемы образования древнерусской народности» (1952), «Древние русы» (1953), «Начало русского государства» (1955)). В поле зрения автора оказались данные летописей, топонимики, ономастики и этнонимии, сведения из сочинений арабских и персидских географов, фольклорные материалы. Археологические факты сцементировали отдельные звенья общей концепции, позволили проследить предысторию «Русской земли» и очертить ее географические границы.

Согласно концепции Б. А. Рыбакова, на первом этапе (VI—VII вв.) в Среднем Поднепровье сформировался русский племенной союз с центром в бассейне реки Рось. Его название произошло от имени главенствующего племени Русь. В VIII—IX вв. (второй этап) с вовлечением в союз соседних славянских племен образуется Приднепровское государство — «Русская земля», сведения о котором попали на страницы восточных источников. Третий этап завершается консолидацией восточнославянских племен в рамках единого государства и образованием древнерусской народности. Ядром древнерусской народности, сформировавшейся после исчезновения летописных племен, и был союз племен Русь VI—VII вв.

К аналогичному заключению пришел А. Н. Пасонов в одной из самых значительных послевоенных работ, посвященных формированию территории Древней Руси (1951). Скрупулезно проанализировав сведения источников XI—XIII вв., исследователь установил приблизительные границы «Русской земли» и доказал, что она была территориальной основой, политическим ядром Древнерусского государства. Вплоть до конца XI в. «Русская земля» оставалась таковой и власть над ней определяла владение всей Русью. А. Н. Пасонов полагал, что с середины I тысячелетия н. э. Среднее Приднепровье опережало в социально-экономическом развитии соседние земли, чем и объясняется его главенствующая политическая роль. В IX в. в связи с упадком Хазарского каганата здесь возникло раннегосударственное образование восточных славян — «Русская земля».

Так сложились две линии исследования предыстории русского государства. Концепция Б. А. Рыбакова — А. Н. Пасонова о «Русской земле» является

принципиальным достижением нашей науки. Именно она окончательно развенчала все теории иноземного происхождения Руси.

Особое внимание археологов было приковано к области Среднего Поднепровья. По обоим берегам реки и ее притокам развернулись разведочно-раскопочные работы (Н. В. Липка, В. И. Довженко, П. П. Третьяков, Т. С. Пассек, Ф. Б. Копылов, М. Ю. Брайчевский, П. А. Раппопорт). Появились археологические карты окрестностей Киева, поречья Днепра, бассейнов рек Роси и Сулы. Существенные успехи были достигнуты Днепровской левобережной экспедицией под руководством И. И. Ляпушкина.

В течение длительного времени, исследуя памятники эпохи железного века в лесостепном левобережье Днепра, И. И. Ляпушкин хронологически расчленил и выделил разновременные поселения и могильники. Особенности топографии и планировки городищ в сочетании с материалами, собранными в процессе обследования, шурфовки или раскопок, позволяли систематизировать их по времени возникновения. Исследователем составили отдельные карты памятников на каждую историко-археологическую эпоху. Раннеславянские городища VIII—X вв. (ромешского типа) впервые получали подробную культурную и социально-экономическую характеристику. Общие результаты работ экспедиции были опубликованы И. И. Ляпушкиным в 1961 г. Но предварительные итоги увидели свет в ряде статей значительно раньше. Общий интерес вызвала монография И. И. Ляпушкина, посвященная исследованию Новотроицкого городища (1958 г.), раскопанного почти полностью. Яркая картина быта и гибели славянского поселения кауша образования Древнерусского государства, реконструированная на основе археологических данных, продемонстрировала возросшие возможности археологии. Одновременно получала наглядное подтверждение эффективность метода раскопок поселений широкими площадями.

В правобережной Украине был также открыт и частично исследован ряд раннеславянских памятников. Большие работы начались в Поднестровье и на Пруте. Исследованиями юго-западных окраин Руси руководил с 1950 г. Г. Б. Федоров (1960). Помимо изучения памятников более раннего времени, экспедиция раскопала значительную часть Екимовского славянского городища IX—X вв.

Итоги археологического и исторического изучения начального этапа становления Руси подвел Б. А. Рыбаков в разделе «Предпосылки образования Древнерусского государства» в коллективном труде «Очерки истории СССР» (1958 г.). Эпоха VI—IX вв. в истории восточных славян являлась, по мнению автора, последней стадией разложения у них первобытнообщинных отношений, временем классового образования и постепенного роста предпосылок феодализма. Раскопки поселений и могильников VIII—X вв. свидетельствуют об имущественном неравенстве членов верви, выделении дружинников. О том же говорят различия в типах поселений.

Развитие сельского хозяйства, переход от подсечно-огневого земледелия к пахотному разрушало общинную структуру, делало экономически устойчивой малую семью. Появилась соседская, территориальная община, способная выдерживать папор классовых,

феодалных отношений. К IX в. формируется слой русского боярства, различными способами превращавший свободных общинников в феодально-зависимых людей.

Б. А. Рыбаков обратил внимание на факт расположения раннеславянских лесостепных городищ гнездами, до 10—12 поселений в каждом. В XI—XII вв. в центре гнезда возникает летописный город. Исследователь предположил, что такая группа городищ соответствует «малому» племени, территория которого становилась затем «тысячей», известной по письменным источникам. Несколько гнезд поселений образовывали «большое племя» — племенной союз или «племенное княжение», имевшее тенденцию к превращению в «землю-княжество», составившую часть Древней Руси.

Так археологические исследования значительно продвинули вперед решение спорных проблем образования Древнерусского государства.

Со все возрастающей интенсивностью возобновились раскопки древнерусских городов. Работы велись в Пскове (С. А. Тараканова), в Старой Ладге (В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, С. Н. Орлов), в Белоозере (Л. А. Голубева), в Минске (В. Р. Тарасенко, Э. М. Загоруйский), в Смоленске (Д. А. Авдусин), в Москве (М. Г. Рабинович, А. Ф. Дубынин), в Костроме (М. Ф. Фехнер), в городах Владимирской земли (П. Н. Воронин), в Старой Рязани (А. Л. Монгайт), в Звенигороде и Вщиже (Б. А. Рыбаков), в Киеве (М. К. Каргер), в Плеснске (М. П. Кучера), в Городске (Р. И. Выезжев), в Галиче и его окрестностях (М. К. Каргер, В. И. Довженко), в Чернигове (Б. А. Рыбаков), в Переяславле (Б. А. Рыбаков, М. К. Каргер) и других пунктах.

Большое значение для исследования древнерусских поселений на Дону и в Тамани имели раскопки Саркела—Белой Вежи (М. И. Артамонов) и Тмутаракани (Б. А. Рыбаков). Эти работы уточнили время существования русских центров в Приазовье: вторая половина X — конец XI в.

Событием в истории археологического изучения Руси явились масштабные и планомерные раскопки Новгорода (А. В. Арциховский, Б. А. Колчин), ознаменовавшиеся в 1951 г. открытием берестяных грамот.

Из печати один за другим выходят сборники (МИА), посвященные достижениям «городской» археологии. Монографически были изданы материалы из раскопок Гродно (Н. Н. Воронин, 1954а), Старой Рязани (А. Л. Монгайт, 1955), Саркела—Белой Вежи (М. И. Артамонов, 1958), Райковецкого городища (Гончаров В. К., 1950). Несколько позднее обобщил результаты своих многолетних исследований в Киеве М. К. Каргер (1958, 1961). В ряде статей подводились итоги археологических работ в Вышгороде (В. И. Довженко, 1950, 1952а), Чернигове (Рыбаков Б. А., 1949), Старой Ладге (Равдоникас В. И., 1949, 1950) Пскове (Тараканова С. А., 1950, 1956), Минске (Тарасенко В. Р., 1957). Периодически начали публиковаться материалы из новгородских раскопок.

Перечисленные и другие исследования во многом изменили существовавшие представления о древнерусских городах. Стало очевидным, что ведущую отрасль городской экономики было ремесло. Террито-

рия многих городов благоустривалась: улицы мостились деревом, устраивались дренажные системы. Дворы-усадыбы горожан огораживались частоколами, внутри которых размещались жилые и хозяйственные постройки. Находки берестяных грамот в Новгороде наряду с многочисленными памятниками вещевой аннотации и надписями — граффити на стенах храмов свидетельствовали о высокой степени грамотности городского населения Руси.

Большое влияние на разработку проблем возникновения и развития древнерусских городов оказала фундаментальная работа М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», впервые изданная в 1946 г. Автор подсчитал по данным письменных источников количество русских городов до середины XIII в., проследил их географическое размещение, собрал сведения о городской экономике, социальных категориях населения городов. Полемизируя с «торговой» теорией происхождения древнерусских городов В. О. Ключевского, М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что причиной появления городов было развитие земледелия и ремесла в сфере экономической и феодализма в сфере социальной. Исследователь подметил закономерность размещения древнерусских городов в районах, наиболее густо заселенных. Именно здесь, по его мнению, сельское хозяйство наиболее остро ощущало потребность в высококачественных изделиях специализированного городского ремесла. Поэтому здесь в первую очередь и появились города. М. Н. Тихомиров непосредственно связывал процесс возникновения городов с углублением процесса общественного разделения труда. Во многом опираясь на результаты предшествующих археологических изысканий и наблюдений археологов, он подчеркнул преобладающее значение развития ремесла в деле становления городов. Подлинными городами, по убеждению автора, были только поселения с многочисленным ремесленно-торговым населением. Индикатором превращения какого-либо укрепленного пункта в настоящий город М. Н. Тихомиров называет разрастание у его стен ремесленного посада, массовое появление которых на Руси началось на рубеже X—XI вв.

Одним из важнейших достижений славяно-русской археологии стало комплексное изучение истории древнерусского ремесла. Прежде всего следует назвать монографическое исследование Б. А. Рыбакова (1948а). Широкое историческое полотно, рисующее различные русские ремесла, автор начинает с IV в. н. э. По археологическим данным он прослеживает постепенное выделение из домашнего производства обработки черного металла (VI—VIII вв.), художественного литья из бронзы и серебра (VI—VII вв.), гончарства (IX—X вв.) и др. Успешное развитие ремесленного производства способствовало образованию ремесленных по преимуществу поселков, которые при благоприятных условиях превращались в города.

Подробно и разносторонне Б. А. Рыбаков изучил древнерусское ремесло XI—XIII вв. На археологических материалах и по сведениям специальных письменных источников исследователь рассмотрел деревенское и вочтинное ремесленное производство. Особенно детально описано ремесло в древнерусских городах. Б. А. Рыбаков подсчитал приблизительное

число ремесленных специальностей, указал основные виды продукции городских ремесленников, выяснил районы ее сбыта. Анализируя некоторые выдающиеся изделия русских мастеров, исследователь высказал мысль о существовании на Руси института ученичества и ремесленных объединений типа западноевропейских цехов.

На большом количестве примеров было доказано, что расцвет древнерусского ремесла начинается с середины XII в. и продолжается до самого нашествия Батыя. Причем, вопреки бытовавшему суждению о некотором экономическом упадке со второй половины XII в. старых приднепровских центров, оказалось, что ремесленное производство в них не только не сократилось, но продолжало служить эталоном для всей Руси. Эти выводы имели первостепенное значение для выработки новой исторической оценки эпохи феодальной раздробленности.

Капитальный труд Б. А. Рыбакова открыл целое направление в археологических исследованиях. Более детально изучаются отдельные отрасли ремесленного производства. В работе Б. А. Колчина (1953) специально рассматривалась история древнерусской металлургии и металлообработки. Автор умело сочетал традиционно-археологические методы исследования с методами естественных наук. Металлографический анализ изделий из черного металла, найденных в раскопках, представил в совершенно новом свете сложную технологию, которой владели русские кузнецы. Б. А. Колчин наметил круг предметов (орудия труда из высококачественной стали), поставившихся городскими ремесленниками сельской округе.

Интересна также сводка Г. Ф. Корзухиной (1954), собравшей данные о большинстве древнерусских кладов. На основе стилистического анализа автор датировала различные типы ювелирных изделий и высказала ряд общих соображений о развитии ремесла русских ювелиров. Появились статьи, посвященные ремеслу отдельных центров или особенностям техники изготовления конкретных пафодов. Накопленный археологией фактический материал позволил иначе поставить вопрос о внешних торговых связях Руси и внутренней торговле. В уже упоминавшемся исследовании Б. А. Рыбакова указывался ряд товаров: ювелирные изделия, шпферные пряслица, замки, оружие, поступающие на мировые рынки из Древнерусского государства, помимо рабов, меда и мехов. Этим был подорван утвердившийся еще в дореволюционной науке тезис о главном образом транзитном характере древнерусской торговли. В разделе «Торговля и торговые пути», помещенном в первом томе «Истории культуры Древней Руси», Б. А. Рыбаков развил и углубил сделанные наблюдения.

Из единого русла археологического изучения древнерусских городов в самостоятельное направление выделилось начатое еще в предвоенные годы археолого-архитектурное исследование памятников зодчества (Н. Н. Воронин, М. К. Каргер, Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт). Истории военно-оборонительного строительства южной Руси были посвящены работы Н. А. Раппопорта (1956). Впервые на широком историческом фоне автор рассмотрел особенности укреплений десятков городищ и городов, значитель-

ная часть которых была им лично обследована и изучена. Исследователь предложил свою типологическую классификацию этих памятников и обосновал хронологическую периодизацию изменений в устройстве и планировке оборонительных сооружений.

Таким образом, к середине 1950-х годов выкристаллизовались современные научные представления о древнерусском городе — центре развитого ремесла и торговли. Основная заслуга в их выработке принадлежит М. Н. Тихомирову и Б. А. Рыбакову. Ведущая роль ремесла в экономической жизни городов доказана статистически и на ярких примерах. Намечены закономерности развития городов, этапы роста городской территории. Собраны данные об органах городского самоуправления и профессиональных организациях купцов и ремесленников. Качественно новый шаг в изучении истории русских феодальных городов был сделан прежде всего благодаря успехам археологии.

Результаты исследований сельских поселений северо-восточной и северо-западной Руси представлены в первом томе коллективных «Очерков по истории русской деревни X—XIII вв.» (1956). Важным вкладом в науку явилась составленная А. В. Успенской и М. В. Фехнер карта-сводка поселений и могильников. На конкретных фактах авторы подтвердили правомерность заключения М. Н. Тихомирова о расположении древнерусских городов в гуще сельских поселений. Однако выработать ясные археологические критерии для расчленения совокупности известных древнерусских городищ на города и поселения других типов исследователям не удалось. Решающим для зачисления того или иного памятника в разряд городов признавался по сути дела факт его упоминания в письменных источниках.

Массовые раскопки древнерусских памятников предоставили в руки исследователей обильные материалы, характеризующие развитие сельского хозяйства. Появилась возможность разностороннего изучения этой важнейшей отрасли экономики Древней Руси. До сих пор приоритет здесь принадлежал историкам, хотя и активно привлекавшим археологические данные, но в основных выводах опиравшимся все же на сведения письменных источников. К концу 40-х годов положение изменилось. П. Н. Третьяков (1948) написал обобщающий очерк истории сельского хозяйства и добывающих промыслов для первого тома «Истории культуры Древней Руси». Автор сосредоточил внимание на вопросах эволюции почвообрабатывающих орудий и этапах перехода от подсечного к пашенному земледелию. Утверждались две линии развития пахотных орудий: от древнеславянского рала к плугу на юге и от бороны-суковатки к многозубой сохе на севере. Смена подсечно-огневой и переложных систем земледелия пашенной с тенденцией к установлению правильного трехполья признавалась важнейшим рубежом не только в истории сельского хозяйства, но и социально-экономического развития восточных славян в целом. Сельские промыслы исследованы менее подробно. Состоянию сельскохозяйственного производства у восточных славян накануне образования Древнерусского государства уделено много внимания и в монографии П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (1953).

Обстоятельная глава о сельском хозяйстве (В. П. Левашова) есть и в «Очерках по истории русской деревни X—XIII вв.» (1956). Во взглядах на характер развития древнерусского земледелия и почвообрабатывающих орудий автор придерживалась точки зрения П. Н. Третьякова, стараясь подкрепить ее новыми фактами. В. П. Левашова продолжила начатые археологами еще в довоенные годы исследования орудий уборки урожая. Ею выявлены несколько типов серпов и очерчены ареалы их применения. В работе собраны также палеоботанические данные о составе культурных растений. Специально рассмотрены вопросы развития скотоводства и птицеводства.

Краткий очерк истории добывающих промыслов на Руси дан В. А. Малым (1956). Автор изучила по археологическим и этнографическим данным промысловые орудия. По ее мнению, промыслы (охота, рыболовство, бортничество) были побочным занятием деревенского населения. Однако они играли заметную роль в древнерусской экономике. Продукты промыслов (меха, воск, мед) входили в число основных товаров русского экспорта.

Остеологические находки из раскопок систематически исследовались В. И. Цалкиным. Ему на большом фактическом материале удалось определить видовой состав древнерусского стада и проследить закономерности в его изменениях (1956). Были выявлены характерные особенности пород скота в различных районах Руси. Автор первым указал на большое значение охоты как дополнительного источника продуктов питания.

Событием в истории изучения древнерусского денежного обращения явилась книга В. Л. Янина «Денежно-весовые системы русского средневековья» (1956). Исследователь, базируясь на реальном несомненном содержании серебра в монетах денежных кладов, уточнил выводы Р. Р. Фасмера о периодах обращения восточного серебра на Руси. В. Л. Янин доказал, что к середине X в. сложились две самостоятельные денежно-весовые системы (северная и южная). Убедительно объяснены причины наступления безмонетного периода в денежном обращении Руси (прекращение ввоза западноевропейского серебра, отсутствие собственных месторождений драгоценных металлов, феодальная раздробленность и др.). Работа В. Л. Янина подтвердила справедливость датирования сокрытия денежных кладов по младшей монете. Ранее не раз высказывалось мнение о необходимости добавлять к дате младшей монеты 50—100 лет.

Серией обобщающих трудов первой половины — середины 1950-х годов одновременно завершаются предыдущие этапы традиционно-исторического и археологического изучения истории Древней Руси. Оба направления оказались тесно взаимосвязанными между собой. Реальное свидетельство тому — коллективные многотомники «История культуры Древней Руси» и «Очерки истории СССР», написанные в плодотворном сотрудничестве ведущими историками и археологами страны. В итоге были с марксистско-ленинских позиций разработаны основные концепции происхождения и становления Древнерусского государства, этногенеза восточных славян, обще-